

Елена Никифорова

Chiara Brambilla, Jussi Laine, James W. Scott, and Gianluca Bocchi, eds. *Border-scaping: Imaginations and Practices of Border Making*. Farnham, UK: Ashgate, 2015. 280 pp. ISBN 978-1-4724-5146-0.

Елена Никифорова. Адрес для переписки: ЦНСИ, а/я 193, Санкт-Петербург, 191040, Россия. elenik@bk.ru.

Рецензируемый сборник является одним из результатов международного проекта «Европейские пространства границ (EUBORDERSCAPES): процессы разграничивания, политические ландшафты и социальные арены. Эволюция концепций границы в мире после окончания холодной войны». Проект реализовывался в 2012–2016 гг. международным междисциплинарным исследовательским консорциумом под руководством Университета Восточной Финляндии (Йоенсуу) при поддержке 7-й рамочной программы Европейской комиссии. Это собрание из 22 статей, объединенных в 5 тематических разделов, снабженное развернутым введением; в общей сложности у сборника 31 автор. Географический охват его тоже впечатляет: Ливан, Средиземноморье, Россия и Финляндия, Балканы, Лондон, Неаполь, Европейский союз. Очевидно, что рассказать обо всех статьях сборника в небольшой рецензии невозможно, поэтому в первую очередь я уделю внимание его теоретическим основаниям и лишь некоторым текстам, в моем понимании наиболее концептуально и эмпирически близким аудитории журнала.

Книга представляет концепцию *borderscape* как аналитическую перспективу для разработки более широкого понимания пространственности современной политики. Как и другие современные термины, образованные при помощи суффикса *-scape*, запущенного в обращение Арджуном Аппадурой (Appadurai 1998), *borderscape* непросто и для перевода на русский, и в принципе сложен для определения, поскольку призван обозначать целую систему социально-пространственных отношений. Говоря коротко, *borderscape* – это географическое, социальное и символическое пространство границы. На первый взгляд, понятие указывает на приграничье – территорию близ государственной границы, вполне понятную российскому читателю (и зачастую прочувствованную лично и связанную с понятиями «пограничная зона», «пропуск» и «пограничный режим»). Однако приравнять *borderscape* к приграничью (в привычном смысле) было бы в корне неверно, прежде всего потому, что и понятие границы не столь простое, как кажется. За понятием «граница» в современном языке социальных наук скрывается обширная междисциплинарная дискуссия, и некоторые ее положения здесь важно обозначить.

Несмотря на то, что вопрос о границах всегда являлся важным для всех социальных наук (вспомним ставшую антропологической классикой работу Фредерика Барта «Этнические группы и границы» (Barth 1969) или теории социальной стратификации), как тематическая область исследования границ сформировались в рамках политической географии и применительно к границам государств. До конца XX века грани-

цы понимались прежде всего как пространственный феномен, факт объективной реальности, зафиксированный на территории и карте, тогда как исследования границ концентрировались на истории той или иной границы, правовых основаниях раздела и конфликтах, с ним связанных. Серия эпистемологических поворотов, ознаменовавших начало XXI века, привела к существенным изменениям в социальных науках в целом и в области исследования границ в частности. Здесь уместно процитировать известное высказывание Георга Зиммеля, определившего границу не как пространственный факт с социологическим эффектом, а как факт социологический, принимающий пространственную форму (Филиппов 1994). К определению Зиммеля сегодня мы можем добавить понимание границы как дискурсивной конструкции, как продукта политического, эстетического и прочего воображаемого, и этот список можно продолжать. Сегодня исследования границ – бурно развивающаяся область, и даже если количественно, судя по составу участников тематических конференций, в ней по-прежнему доминируют географы, разговор о границах постепенно преодолевает дисциплинарные пределы и становится общим для всех социальных и гуманитарных наук. В современной дискуссии государственные (как, впрочем, и другие) границы представляются многомерными и подвижными в силу изменения дискурсов, смыслов и контекстов конфигурациями, в которых пространственность является важным, но далеко не единственным измерением. Граница, как мы видим, становится много больше себя самой в традиционном понимании, и выразить это приращение призван центральный термин сборника – *border-scapes*, пространство границы. Удачным, аналитически ясным примером применения этой концепции в рецензируемом сборнике может служить статья Юсси Лайне и Миики Тервонена, реконструирующая меняющиеся представления о финско-российской границе по материалам центральных печатных СМИ Финляндии (с. 65–76).

Многомерность и динамичность – не единственные характеристики интерпретируемой по-новому границы; второй ее важный аспект – мобильность. Одним из ключевых положений в современных исследованиях границ является высказанное Этьеном Балибаром наблюдение о проникновении (эффекта) границы из территориального приграничья на внутренние территории государств (Balibar 2003). В российском контексте яркой иллюстрацией этому служат проверки документов в столичных метро у людей с «неславянской внешностью». Перемещение и распространение эффекта границы породило тезис о множественности потенциальных «граничных» локаций, социальных пространств, в которых происходит постоянное (пере-)определение границы с участием разных акторов. Значительная часть статей сборника насыщает этот тезис эмпирикой, наводя «граничную» оптику на другие географические, а также социальные пространства и места и рассматривая их как пространства (и места) границы, *borderscapes*. Так, наряду с традиционным географическим приграничьем, объектами исследования авторов стали город, музей, культурный фестиваль, кино, газетный курс, литературный текст и арт-объекты. Как демонстрируют нам статьи сборника, чувствительный к границе взгляд способен увидеть ее практически в любом сложном социальном контексте и рассмотреть каждый такой контекст как пространство – или место – границы. В этом отношении книга, несомненно, новаторская.

Среди прочих локаций применение «граничной» перспективы к анализу городского пространства представляется мне особенно эвристичным и, возможно, особенно

интересным для российской аудитории, поэтому остановлюсь на этом подробнее. Статья Анны Лаззарини «Метаморфозы городских границ» (с. 177–186) предлагает краткий анализ трансформации границ применительно к городам, начиная с отношений пространственности и социальности городов Древней Греции и Древнего Рима. Греческий *polis* есть выражение укорененности: это место, где группа людей, разделяющая язык, обычаи и традиции, селится вместе и ведет жизнь в соответствии с определенным этосом. Граница в этом случае учреждает отношения эксклюзивности, имеющие как топологическую, так и предписывающую природу: фактически граница представляет собой разделяющую черту между тем, что дозволено, и тем, что запрещено. В отличие от греческого мира, римский концепт гражданства не имеет ни этнических, ни религиозных, ни территориальных оснований: Рим был основан ссыльными и беженцами, высадившимися на итальянское побережье. Преодоление социальных границ, создание общности через различие и усложнение социальной композиции есть принцип формирования Рима: римский *civitas* это *civitas augescens*, город растущий, находящийся в процессе постоянного становления, динамического синтеза гетерогенных элементов. В то время как *polis* защищает свои границы, римский *civitas* их постоянно разрушает: *civitas* – это история, слагаемая из повторяющихся нарушений границ, из взаимодействия и интеграции разных людей.

Как отмечает Лаззарини, диалектика между статикой и динамикой, выраженная в греческом и римском примерах, равно присуща и современным городам, озабоченным одновременно охраной своих границ и сохранением идентичности, а также необходимостью роста, изменения, интеграции различий. Современный город рассеивается, растягивается, концентрируется, реорганизуется. Подвижность границ современных городов поистине завораживает, восхищает исследователей-современников, что иллюстрируют многие метафоры, призванные зафиксировать, ухватить эти процессы: «бесконечный, беспредельный город», «мегагород», «мегалополис», «постметрополис», «экзополис» – вот лишь некоторые из них. При этом если внешние границы городов становятся все условнее, внутренние границы демонстрируют свою (и часто противоположную) динамику, обусловленную среди прочего чувствами страха и небезопасности, связанными с восприятием (и неприятием) социальных различий. Перефразируя Лаззарини, греческий *polis* с его стремлением к четким границам прорастает в открытом *civitas* в процессах сегрегации, джентрификации, создании разного рода огороженных («gated» и «walled») сообществ.

Еще один интересный текст, вступающий в диалог с предыдущим, – глава Джорджи Уэмисс «Повседневное разграничивание и рейды каждый день: невидимая империя и границы в мегаполисе» (с. 187–196). Главу открывает зарисовка из жизни современной Великобритании. В ходе избирательной кампании 2015 года были опубликованы фотографии премьер-министра и государственного секретаря в компании офицеров иммиграционной службы в бронжилетах; они разговаривали и листали паспорта. Этот и многие другие эпизоды, в частности – широко освещаемые в медиа телевизионные трансляции рейдов силовиков по густонаселенным мультиэтническим районам с участием политиков и журналистов, составляют «пограничный спектакль», ставший сегодня неотъемлемой частью британской электоральной политики. Уэмисс представляет современный мегаполис территорией, на которой каждый день разыгры-

вается множество подобных пограничных спектаклей, происходит постоянное производство и преодоление границ самого разного рода. В этот бесконечный и динамичный процесс повседневного разграничивания оказываются вовлечены все жители мегаполиса. При этом государство, несомненно, играет в этом спектакле ведущую роль, вменяя всем в обязанность встать на охрану британской границы и информировать о ее нарушителях. Граница Великобритании концептуализируется здесь как *borderscape*, пространство сложной конфигурации, вобравшее в себя имперское и колониальное прошлое и глобальное настоящее, постоянное меняющееся во времени и пространстве, проживаемое, оспариваемое и (ре-)конструируемое разными категориями людей.

Среди рассматриваемых в сборнике «мест границы» – мемориальный музей близ деревни Млеета в Южном Ливане (см. статью Даниэля Мейера), официально называемый, согласно Википедии, «туристическим местом сопротивления» (*Tourist Landmark of Resistance*). Музей был учрежден на бывшей линии фронта оккупированных Израилем территорий радикальной организацией «Хезболла», признанной во многих странах (но не в России) террористической и ныне являющейся также одной из политических партий в ливанском парламенте. Соединяя эстетику и политику, Млеета репрезентирует «место границы», где с подачи одной из самых влиятельных сил Ливана формулируются отличные от общеливанских представления о пространстве, территориальности, суверенитете и идентичности и конструируется альтернативное, «пограничное» воображаемое. На подходе к музею посетителей встречает слоган: «Млеета: место, где земля говорит с небесами», представляя это место еще и как границу-медиум между благодарными потомками и павшими в борьбе.

Акцентуация социального воображаемого (и воображаемых – *imaginaries*) является одним из центральных положений концепции *borderscape* (см. введение сборника). Как отмечают исследователи, работающие в русле «граничной эстетики» (*border aesthetics*), в артикуляции и трансформации социального воображаемого важнейшую роль играют языки эстетики, «способные отражать, калибровать, а зачастую и перенаправлять процессы, в ходе которых происходит материализация границ в реальном мире» (с. 114; см. также Schimanski 2015). Речь здесь идет о производстве границ в области эстетического, в предметах и продуктах культуры, и этому в сборнике посвящен отдельный раздел (к эстетическому измерению границ обращаются и авторы статей других разделов). Статья Юпи Ньюмана (с. 229–236) представляет исследование роли и репрезентаций границ, процессов разграничивания и «граничных» пространств в рассказе «Последние мысли на Медузе» (2008) чернокожего британско-европейского автора Джамала Махджуба (Jamal Mahjoub). Подобно кинокамере, взгляд писателя выхватывает терпящее крушение судно и ведет нас дальше дорогой человека, пробирающегося в Европу из Африки. Анализируя рассказ при помощи сразу двух оптик – литературного анализа и «граничной» теории, – Ньюман реконструирует процесс трансформации личностной идентичности как опыта пересечения множественных границ. Статья Клаудии Гвальтерери (с. 237–246) концептуализирует евро-африканское пограничье как сцену и представляет анализ разных театральных постановок (и позиций театров), посвященных «граничной» проблематике. Кьяра Брамбилла (с. 111–122) анализирует «LampedusaInFestival» – кино-, видеоарт и музыкальный фестиваль, проводимый лампедузским коллективом «Аскавуса». Фестиваль посвящен проблемам миграции в

Средиземноморье и представляет альтернативные государству позиции и собственно перспективу самих мигрантов, будучи, таким образом, контргегемонным пространством границы, как называет это автор.

Миграционный кризис сделал Средиземноморье самым болезненным на сегодняшний день пограничным пространством Европы и объектом особо пристального внимания со стороны исследователей и практиков границы. Неудивительно, что в сборнике этот регион представлен наиболее подробно, отдельным разделом из 6 статей и кейсами в других разделах. Представляющий специфику знаковых для региона пространств (пограничья Европы и Африки, Европейского союза и Турции) и мест (островов Лампедуза и Сицилия, самой южной точки Европы мыса Тарифа в Гибралтаре), средиземноморский раздел также интересен рассказами об опыте парципаторных исследований и других форматах взаимодействия ученых, художников и практиков, направленных на изучение, художественное осмысление и репрезентацию, а также (ре)дизайн пограничья.

Посыл к моделированию и реконструкции пограничных пространств как в символическом, так и в вполне конкретном, материальном смысле – один из основных в сборнике. В путешествии по страницам книги встречается много интересных прикладных идей – как всерьез обсуждаемых и реализуемых, так и совершенно утопичных. Так, в статье о мысе Тарифа (с. 123–130) мы читаем о разрабатываемом в 20-е годы XX века проекте «Атлантропа» немецкого архитектора Германа Зергеля. Проект предполагал возведение дамбы в Гибралтаре для понижения уровня моря, что гипотетически позволило бы ирригацию части Сахары и ее дальнейшую колонизацию, а также строительство железной дороги между Европой и Африкой. При всей своей утопичности намерение «Атлантропы» физически связать два материка живо и поныне в проекте строительства туннеля под Гибралтаром (идея, после Ла-Манша кажущаяся вполне банальной). В той же статье мы знакомимся с еще одним современным воплощением евро-африканской границы, называемым авторским термином *limboscape* – «пространством неопределенности», тождественным сети центров временного содержания мигрантов, раскинувшейся в Южной Европе. Авторы раздела обращают наше внимание на пограничный парадокс крайних точек Европы (таких как Лампедуза, Сицилия или мыс Тарифа). Исторически бывшие мостами, местами слияния с Африкой вследствие многочисленных связей, а в случае с Лампедузой не только исторически, но даже и геологически – остров лежит на шельфе Африки, – сегодня эти места наделяются функциями и институтами границ барьерного типа.

В то время как в евро-африканском пограничье разыгрывается масштабная экзистенциальная драма, соединяющая противостояние границ и миграций, государства и локальных сообществ (см. статью Кьяры Брамбиллы), секуритарного подхода и гуманизма (см. статью Паоло Куттитты в рецензируемом сборнике), внутренние границы Европы могут позволить себе региональное проектирование со спокойной прагматичной повесткой. В статье Хенка ван Хоутума и Марка Екера (с. 41–52) представлены два сценария для развития еврорегионов на границе Нидерландов и Бельгии и Нидерландов и Германии. В основе коммунитарного (*community*) сценария лежит идея нивелирования границ и создания единого сообщества, социального пространства с общей инфраструктурой и структурами управления. Второй сценарий (*difference*) ориентиро-

ван на подчеркивание границы. По этому замыслу национальные государства заново открывают для себя потенциал приграничных территорий как ландшафтных и культурных экспонатов и делают создание пространственной и культурной дифференциации национальной стратегией.

На активную позицию в отношении пограничья указывает глагольная форма центральной категории сборника, вынесенная в название – «border-scaping». В ряду терминов, встречающихся в сборнике, этот вызывает у меня больше всего вопросов. Мне казалось, что категории «bordering» (разграничивание) – довольно новой, но уже обосновавшейся в понятийном аппарате border studies, – вполне достаточно для описания действий по конструированию границ, и «border-scaping» – это избыточное словотворчество, однако статья Алис Буоли (с. 163–176) несколько поколебала мой скептицизм. Буоли использует этот термин применительно к дизайнерскому мышлению и действию на примере художественных проектов. Следуя ей, на данный момент я осторожно определяю для себя «border-scaping» как любую целевую деятельность по моделированию пограничных пространств и жду дальнейших озарений. Избыточность терминологии и нестабильные пределы терминов, меняющиеся от статьи к статье, от предмета к предмету, составляют суть моего главного критического замечания к сборнику. При этом для открытой междисциплинарной дискуссии, каковой, собственно, и является сборник, некоторая нестройность и чрезмерное усложнение вполне ожидаемы и, полагаю, нормальны. Пространства границы мыслятся здесь как многомасштабные системы социально-пространственных различий, и сложность предмета анализа порождает сложный аналитический аппарат, с потенциалом для оформления - и упрощения - в будущем. Эта книга – часть амбициозного проекта по формулированию нового концептуального языка говорения о границе и созданию новой «граничной» эпистемологии, стремящейся вырваться из «территориальной ловушки» (Agnew 1994) государственно-центрированного взгляда на мир. Каждый, рискнувший ее открыть и вчитаться, имеет шансы навсегда заразиться «граничной» перспективой, в чем-то утопичной и наивной, но без сомнения прогрессивной и привлекательной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Филиппов, Александр. 1994. «Обоснование теоретической социологии: введение в концепцию Георга Зиммеля». *Социологический журнал* 2. Просмотрено 10 апреля 2017 г. (<http://www.jour.isras.ru/index.php/socjour/article/viewFile/67/69>).
- Agnew, John. 1994. "The Territorial Trap: The Geographical Assumptions of International Relations Theory." *Review of International Political Economy* 1(1):53–80.
- Appadurai, Arjun. 1998. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Balibar, Étienne. 2003. *We, the People of Europe? Reflections on Transnational Citizenship*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Barth, Fredrik. 1969. *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Boston: Little, Brown.
- Schimanski, Johan. 2015. "Border Aesthetics and Cultural Distancing in the Norwegian-Russian Borderscape." *Geopolitics* 20(1):35–55.